

Откуда происходят верные матери и жены или о соловьиных песнях и о прочих перелетных и не перелетных существах

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Поезд сделал остановку в Смоленске. Когда поезд выехал из города, Отец вышел в коридор, открыл окно и закурил.

Здесь, в этой окрестности, родилась Мать и поехала отсюда еще молодой девушкой в шахты Донбасса, чтобы там, в Сталино, познакомиться с Отцом. И теперь ехал он мимо этих мест, где он никогда не был. И с этим замыкался еще один круг вечного вращения.

И начинался другой, поскольку здесь, сразу же за условной белорусской границей и, наверное, на расстоянии всего лишь пятидесяти километров от места рождения его матери, родилась мать его дочерей и его жена.

По нему, так все матери и жены мира спокойно могли бы – во благо их детей и их мужей – родиться здесь!

Его спала сейчас беззаботно по соседству, потому что он забрал у нее ее заботы и сунул их в карман своих штанов. Удастся ли ему это там, на той стороне, с такой же легкостью?

За окном поезда чуть посветлело – утро забрезжило после самой короткой ночи года. Сырые от выпавшей росы поля и луга мерцали серебром в свете самой ранней в году утренней зари.

И сразу же начало становиться все громче в проплывающих мимо и все еще темных лесах – соловьи. Когда-то это тоже принадлежало к репертуару его Отца на тему, как прекрасно было на Украине, где соловьиные песни опять же могли свести кого-нибудь с ума.

В Сибири не было соловьев и, вообще, никаких певчих птиц. В Сибири было птицам, вообще, не до пения. И перезимовывать там с людьми решались только маленькие, такие же невзрачные и серые, как и соловьи, воробьи.

Но они и платили свою дань за их верность сибирякам. Если температура воздуха снаружи падала ниже минус сорока градусов, они сидели неподвижно на электрических проводах или голых ветках деревьев, взъерошивали свое оперение насколько только было возможно, чтобы за счет толстой воздушной прокладки чуть дольше сохранить тепло своих маленьких тел, и падали время от времени, насмерть замерзшие, маленькими комочками на замороженную и заснеженную землю.

Пережившие зиму чувствовали себя, однако, потом, летом, там, в Сибири, по-настоящему дома, задирались из-за любого зернышка или любой крошки хлеба на любую перелетную птицу и совершенно плевали при этом на ее размеры. В Сибири людей, которые часто меняли, правда добровольно, их место жительства, презрительно называли также перелетными птицами.

Отец встречал воробьев потом повсюду в своих путешествиях как на севере, так и на юге. И везде он относился к воробьям, как к своим землякам –

или каким словом для птиц можно это назвать еще – и всякий раз радовался таким встречам с верными друзьями на чужбине.

К этому символу верности относились еще у Отца и волки – умные, верные семье, выстоявшие все организуемые на них охоты, такие же закаленные сибирской зимой и такие же серые создания дикой природы.

Соловьи пели песню прощания и сделали Отца, если и не совсем сумасшедшим, то сильно сентиментальным.

Он побежал в купе и разбудил Мать. Они долго стояли потом, обнявшись, у вагонного окна, слушали эти любовные соловьиные песни, чувствовали себя при этом, совсем как юная парочка, и ощутили на почве этого новые надежды и проблеск новой радости их новой, будущей жизни. Потом они снова возвратились в купе, чтобы все же немного выспаться.

*